

ТЭН-ЧАГАЙ НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

**ТВОРЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н. В. ГЕРБЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКО-
АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XIX ВЕКА**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ульяновск – 2011

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы и фольклора
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Саратовский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского» (национальный исследовательский
университет)

Научный руководитель: доктор филологических наук
Жаткин Дмитрий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Федосеева Татьяна Васильевна;

кандидат филологических наук, доцент
Рассадин Александр Павлович

Ведущая организация: Пензенский государственный
педагогический университет
имени В. Г. Белинского

Защита состоится «02» февраля 2012 г. в «___» час на заседании
диссертационного совета КМ212.276.02 по присуждению ученой степени
кандидата филологических наук при Ульяновском государственном
педагогическом университете имени И. Н. Ульянова по адресу: 432700,
г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ульяновского
государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова.

Автореферат разослан «26» декабря 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000689829

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

М. Ю. Кузьмина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования и степень изученности вопроса.

Творческая деятельность русского поэта-переводчика, издателя, редактора, библиографа и литературного критика Николая Васильевича Гербеля (1827 – 1883), будучи лишь отчасти затронутой в литературоведческих работах конца XIX в. (П.Н.Полевой, Н.В.Берг, В.В.Чуйко, А.М.Скабичевский, А.П.Добрыв), привлекла на рубеже XIX – XX вв. широкое внимание книговедов и библиографов. В третьем выпуске «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей» (1886) в разделе «Писатели, умершие в 1883 г.» Д.Д.Языков впервые целостно представил биографические сведения о Гербеле, указал библиографию его трудов, а также изданий, выпущенных под его редакцией. С.А.Венгеров в первом томе «Источников словаря русских писателей» (1900) дал небольшую справку о Гербеле с пространным приложением всех источников, содержащих отзывы на творчество писателя; к тому же в пятитомном шекспировском издании серии «Библиотека великих писателей», выходящим под редакцией С.А.Венгерова в издательстве Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона в 1904 г., в числе четырнадцати сонетов в старых переводах имелись и интерпретации Гербеля. А.Е.Бурцев в «Словаре русских книг и гравированных портретов» (1905), хотя и ограничился краткой информацией о Гербеле, однако сопроводил ее большим гравированным портретом писателя. О заслугах Гербеля-издателя также сообщалось в Энциклопедическом словаре Гранат (1900) и в Русском библиографическом словаре под редакцией Н.М.Чулкова (1914).

С наступлением советской эпохи Гербель стал привлекать внимание как соиздатель и единомышленник Н.А.Некрасова, активно содействовавший публикации переводов, выполненных представителями революционно-демократического движения, в связи с чем были, в частности, подготовлены к печати 10 писем Н.В. и Л.П.Шелгуновых и М.Л.Михайлова к Гербелю, вошедшие в «Историко-литературный сборник, посвященный В.И.Срезневскому» (1924). Впоследствии появились значительные работы В.В.Хохлачева, посвященные деятельности Гербеля как издателя – статьи «Издательская деятельность Н.В.Гербеля (Из истории идейного книжного дела 50 – 70-х годов XIX в.)» (1974; в соавт. с И.Н.Тарасенко), «Он был гоним поэзией» (1976), «К вопросу о журналистской деятельности Н.В.Гербеля» (1983). Статья о Гербеле есть и в Краткой литературной энциклопедии (1964), где отмечаются его дружеские отношения с М.Л.Михайловым и Н.В.Шелгуновым, причастность к тайному обществу «Земля и воля», указывается на отсутствие достоинств его оригинальной поэзии, но при этом подчеркивается значительность его переводов произведений Дж.Байрона, Ф.Шиллера, И.-В.Гете, Т.Г.Шевченко, «Слова о полку Игореве», а также составленных им хрестоматий.

Значительный вклад в изучение деятельности Гербеля внес Ю.Д.Левин, результатом многолетнего интереса которого к творчеству поэта-переводчика

затрагивающих гербелевское творчество. В свете сказанного возникла очевидная необходимость появления обобщающей работы, призванной целостно рассмотреть особенности издательской, литературно-критической, переводческой, библиографической деятельности Гербеля. Основная масса изданий, подготовленных Гербелем, содержала переводы произведений английской, немецкой, французской, а также различных славянских литератур. В настоящей работе, в виду значительного объема неисследованного в прежние годы фактического материала, акцент сделан на одной из сторон научной проблемы – рассмотрении особенностей отражения литературных взаимосвязей России и Англии в творчестве Гербеля.

Цель нашего исследования – анализ творческой деятельности Н.В.Гербеля в контексте русско-английских литературных связей XIX в.

Цель конкретизируется в постановке исследовательских *задач*:

1) обобщить и систематизировать сведения об издательской, редакторской и библиографической деятельности Н.В.Гербеля как популяризатора английской литературы в России;

2) осмыслить литературно-критические представления Н.В.Гербеля об английской литературе и особенностях ее восприятия русскими переводчиками;

3) осуществить литературоведческий анализ выполненных Н.В.Гербелем переводов английской поэзии елизаветинской эпохи (вторая половина XVI в.);

4) провести анализ и установить специфику гербелевских переводов английской поэзии эпохи романтизма.

Объект исследования – творческая деятельность Н.В.Гербеля как поэта-переводчика, издателя, библиографа и литературного критика в контексте русско-английского литературного и историко-культурного взаимодействия.

Предмет исследования – издания Н.В.Гербеля, его литературно-критические публикации и переводы произведений Э.Спенсера, К.Марло, В.Шекспира, Дж.-Г.Байрона, П.-Б.Шелли.

Новизна исследования. В диссертации впервые осуществлен целостный анализ издательской, библиографической, литературно-критической и переводческой деятельности Н.В.Гербеля в контексте русско-английских литературных связей, установлены особенности разработанного им типа литературного издания, выявлена специфика восприятия Н.В.Гербелем английской литературы и ее русских интерпретаций, отмечен ряд важных семантических, стилистических, экспрессивных и иных различий между оригинальными произведениями Э.Спенсера, К.Марло, В.Шекспира, Дж.-Г.Байрона, П.-Б.Шелли и их русскими переводами, осуществленными Н.В.Гербелем. Диссертационная работа позволяет расширить представления в области сравнительного литературоведения, русско-западноевропейских литературных связей, истории русского поэтического перевода, а также истории российского книгоиздания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Н.В.Гербель создал тип переводного литературного издания, положивший начало подготовке и выпуску в России собраний сочинений зарубежных писателей. В соответствии с подходом Н.В.Гербеля личность переводчика отодвигалась на второй план, уступая место переводимому автору.

Гербелевские издания характеризуют такие особенности, как включение новых переводов, сделанных непосредственно по заказу издателя; публикация переводов произведений, ранее не известных российскому читателю; подготовка пространных вступительных статей и примечаний, а также максимально полных библиографий предшествующих переводов произведений; тщательность, доскональность и обоснованность отбора текстов для публикации.

2. Вступительные статьи и предисловия, написанные Н.В.Гербелем для собственных изданий, опирались на работы известных западных критиков (И.Тэн, Т.-Б.Маколей, И.Шерр, Б.Джонсон, Дж.Аддисон, Г.Ульрици, Т.Карлейль, Ф.-К.Шлоссер, Дж.Драйден и др.) и в целом носили компилятивный характер. Вместе с тем статьи Гербеля содержали и его собственные суждения, а также сопоставительные оценки различных русских переводов. Наибольшее количество литературно-критических материалов, посвященных истории развития английской литературы, было написано Н.В.Гербелем при подготовке антологии «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875).

3. Интерес Н.В.Гербеля как переводчика к английской литературе фрагментарен и охватывает две наиболее яркие эпохи – елизаветинскую (вторая половина XVI в.) и романтическую (начало XIX в.). В рамках первой из эпох внимание Н.В.Гербеля, помимо шекспировских сонетов, привлекло творчество Э.Спенсера и К.Марло, незаслуженно оставшихся вне поля зрения русских переводчиков. Из авторов романтической эпохи, помимо Дж.-Г.Байрона, Н.В.Гербель заинтересованно воспринял творчество П.-Б.Шелли, в частности «Оду защитникам свободы».

4. Н.В.Гербель осуществил первый полный перевод на русский язык сонетов В.Шекспира, представших целостным художественным ансамблем. В гербелевском переводе акцентирована тема любви к женщине, многие сонеты переадресованы героине, хотя в английском оригинале подразумевалось либо обращение к мужчине, либо возможное двойное прочтение; соответственно с этим переосмыслен и образ лирического героя, ассоциированный переводчиком с самим Шекспиром как воздыхателем дамы.

5. Будучи мастером малой формы, Н.В.Гербель достиг наивысших успехов при интерпретации лирики Дж.-Г.Байрона, тогда как гербелевские переводы байроновских поэм, мистерии «Небо и земля» и других произведений крупных форм не могут быть отнесены к числу творческих удач. Н.В.Гербель стремился представить Дж.-Г.Байрона как многостороннюю личность, творца произведений разных жанров и разноплановой тематики. Поэтические тексты Дж.-Г.Байрона, переведенные Н.В.Гербелем, характеризовались одной общей особенностью – в них открыто либо завуалировано были выражены настроения свободомыслия, гражданской вольности, что соответствовало позиции самого переводчика, активно обращавшегося и к изданию произведений русских авторов, не прошедших цензуру.

Теоретико-методологическая база исследования основана на трудах классиков сравнительно-исторического литературоведения А.Н.Веселовского,

В.М.Жирмунского, М.П.Алексеева, исследованиях международных литературных связей (В.Е.Багно, А.Н.Гиривенко, Р.Ю.Данилевский, П.Р.Заборов, Ю.Д.Левин, Н.П.Михальская, Б.Г.Реизов, Д.М.Шарыпкин и др.), теории и истории художественного перевода (Л.С.Бархударов, Д.М.Бузаджи, Н.К.Гарбовский, С.Ф.Гончаренко, Т.А.Казакова, В.Н.Комиссаров, Р.К.Миньяр-Белоручев, В.В.Сдобников, П.М.Топер, А.В.Федоров и др.), истории русской переводной художественной литературы (А.В.Ачкасов, Г.Р.Гачечиладзе, Л.Л.Нелюбин, Г.Т.Хухуни, Р.Р.Чайковский и др.), преемственности в развитии литературы (Н.Я.Берковский, А.С.Бушмин и др.), межкультурной коммуникации (М.Л.Малаховская, В.А.Нуриев, Ю.Л.Оболенская, А.Д.Швейцер и др.). Нами используются сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, историко-генетический, социокультурный и биографический методы исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в опыте целостного изучения творческого наследия Н.В.Гербеля в аспекте русско-английских литературных связей XIX в.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов при подготовке курсов лекций по истории русской литературы второй половины XIX в., истории зарубежной литературы, истории русской литературной критики, истории отечественного книгоиздания, а также при комментировании как переводов Н.В.Гербеля, так и английских произведений, привлечших его внимание.

Апробация диссертации была осуществлена на Международной научной конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2010), Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2011), а также в выступлениях на внутривузовских научных конференциях преподавателей Пензенской государственной технологической академии (2010, 2011), в шести научных публикациях.

Структура диссертации подчинена логике поставленных задач и включает в себя введение, три главы, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, обосновываются актуальность решения поставленных научных проблем и степень разработанности вопроса, характеризуется теоретико-методологическая база, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **главе первой «Н.В.Гербель как популяризатор английской литературы в России»** дана характеристика редакционно-издательской, библиографической и литературно-критической деятельности Н.В.Гербеля в аспекте русско-английских литературных связей.

В **параграфе первом «Редакционно-издательская и библиографическая деятельность Н.В.Гербеля в контексте русско-английских связей»** отмечено, что Н.В.Гербель принадлежит к замечательной плеяде русских

книгоиздателей и библиографов второй половины XIX в., во многом сформировавших отечественную книжную культуру. Он издал первые в России собрания сочинений В.Шекспира, Дж.-Г.Байрона, И.-В.Гете, Ф.Шиллера, Э.-Т.-А.Гофмана, антологии английской, немецкой, славянской, русской поэзии, остающееся по сей день лучшим восьмитомное «Собрание сочинений» А.В.Дружинина, персональные сборники русских переводчиков Н.В.Берга, Д.Л.Михаловского, И.П.Крешева и др.

Собрания сочинений В.Шекспира и Дж.-Г.Байрона, подготовленные Гербелем, ценны предложенной им системой расположения материала и составления справочно-сопроводительного аппарата. Они содержат биографические статьи и заметки, написанные специалистами, всевозможные предисловия, приложения, комментарии, примечания, тщательно составленные библиографии русских переводов. Редакционная работа Гербеля при подготовке собраний сочинений затрагивала и переводы, причем, иногда отказывая себе в праве выбрать из имеющихся вариантов интерпретации лучший, он включал в свои книги до пяти различных интерпретаций одного и того же текста, так объясняя свою позицию: «При выборе <...> я нередко был поставлен в затруднение тем, что одна часть пьесы была удачно и часто безукоризненно хорошо переведена одним поэтом, в то время как другая была передана удачнее другим; что там, где один являлся сильным, другой оказывался слабым, и наоборот — и все это в пределах одного, часто небольшого, лирического стихотворения. Случалось также встретить два и более перевода одного стихотворения, равносильные по достоинству; принять одно, значило — пожертвовать другим, что было бы не справедливо». Гербель, по его собственному признанию, руководствовался в процессе отбора публикуемых текстов, прежде всего, их художественной формой, т. к. «в поэтическом произведении форма составляет если не все, то, во всяком случае, стоит на первом месте»; в этой связи он останавливал выбор на тех переводах, которые более других «удовлетворяли чувству изящного по форме», «отличались более сильным и звучным стихом, хотя бы и в ущерб верности <...>, которая, к сожалению, не всегда уживается с хорошим стихом».

Обнаруживая при сверке переводов и оригиналов неточности, неправильности размера и т. п., Гербель, всегда стремившийся к «полнейшей передаче творения избранного поэта», либо предлагал переводчикам исправить недостатки, либо исправлял их сам. Например, 5 января 1866 г. он писал М.Н.Лонгинову, что во II томе шекспировского собрания переводы «более или менее исправлены переводчиками и мною», а 2 августа 1867 г. сообщал ему же о работе над четвертым томом: «Бездна дела: надо каждую пьесу сверить и исправить». Сохранилась рукопись поэмы Дж.-Г.Байрона «Дон-Жуан» в прозаическом переводе А.Л.Соколовского с правкой Гербеля, а не согласованная с Н.В.Бергом редакция его переводов в одной из поэтических антологий даже спровоцировала конфликт.

Заслуги Гербеля как книгоиздателя отмечались многими литературоведами и литературными критиками, в частности, А.П.Добрыв утверждал, что «многие великие поэты стали доступны русскому человеку именно благодаря Гербелю»;

с ним был согласен и публицист А.И.Фирсов: «Не одно молодое русское поколение изучало великие творения всемирных гениев Шиллера, Гете, Шекспира и Байрона, не одно оно восторгалось их дивными красотами по прекрасным переводам наших поэтов, с любовью собранным в сборники Николаем Васильевичем Гербелем». Именно Гербелем был выработан тип переводного собрания сочинений, который в основных чертах сохраняется и в наши дни.

Во *втором параграфе «Литературно-критическая деятельность Н.В.Гербея в контексте русско-английских связей»* отмечено, что литературно-критические материалы Гербея, посвященные осмыслению произведений зарубежной литературы и их русских переводов, публиковались исключительно в готовившихся им собраниях сочинений и поэтических антологиях.

Вступительная статья Гербея традиционно предваряла собой первый том собрания сочинений Дж.-Г.Байрона, которое, будучи впервые напечатанным в 1864 – 1867 гг., неоднократно переиздавалось с дополнениями и уточнениями. От издания к изданию вступительная статья претерпевала определенные изменения, обусловленные необходимостью обозначения отличия нового собрания от всех предыдущих. Так в статье, открывавшей второе издание сочинений Байрона (она была датирована 25 октября 1873 г.), Гербель отмечал, что «некоторые из <...> пьес являются здесь в первый раз, другие – в исправленном виде, остальные – перепечатаны без изменения», причем делал отсылку к библиографическим материалам о переводах сочинений Байрона на русский язык, помещенным в конце тома.

В предпринятом Н.А.Некрасовым и Н.В.Гербелем издании сочинений Шекспира 1865 – 1868 гг., как и в последующих переизданиях, каждая пьеса сопровождалась компилятивным предисловием, составленным согласно принятой издателем системе. Открываясь подробной историей издания оригинала на родине, статья содержала подробный рассказ-извлечение из заимствованного Шекспиром сюжета. Например, в предисловии к «Ромео и Джульетте» из-за неясности источника шекспировского сюжета (сборник новелл Луиджи да Порто; 32-ая новелла Т.Мазуччио; новелла в сборнике М.Банделло «Смерть двух несчастнейших любовников», с которой Шекспир ознакомился в переложке А.Брука «*Romeus and Juliet*» (1562)), было дано извлечение из новеллы М.Банделло, содержавшей все драматические элементы шекспировского произведения, и делался вывод, что в довольно бледных характерах Ромео и Джульетты из новеллы «Шекспир умел указать нам <...> задатки гибели, которые таятся в самом характере их взаимной любви, и в то же время, выставляя нам и Ромео, и Джульетту одаренными от природы далеко не ничтожным запасом характера и воли, представил нам изумительно-величественный образ всеобъемлющей, всемогущей и бесконечно-продолжающейся любви». Значимой частью каждой из вступительных статей были перечисление и оценка существовавших к тому времени переводов шекспировских произведений. Так, в предисловии к «Гамлету» было названо пять полных стихотворных переводов трагедии на русский язык и две ее

переделки в стихах, сделанных для русского театра А.П.Сумароковым и С.П.Висковатовым.

Наиболее значительный объем литературно-критических материалов был написан Гербелем при подготовке антологии «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875); это и предисловие, датированное 14 февраля 1875 г., и вступительный очерк «Английская поэзия», и небольшие биографические справки о включенных в антологию английских писателях. В предисловии была изложена цель издания – «дать русской читающей публике собрание лучших образцов английской поэзии в возможно хороших переводах и обстоятельные биографии всех замечательнейших поэтов Англии, Шотландии, Ирландии и Северной Америки», причем был объяснен выбор для книги произведений только тех английских, шотландских, ирландских и американских поэтов, которые «приобрели себе полное и незабываемое право гражданства в истории литературы или по своему несомненно художественному достоинству, или по влиянию, которое они оказывали на общество и развитие поэзии». Вступительный очерк «Английская поэзия» носил компилятивный характер, будучи основанным на трудах И.Тэна, Т.-Б.Маколей, И.Шерра, Бена Джонсона, Дж.Аддисона, Г.Ульрици, Т.Карлейля, Ф.-К.Шлоссера, Дж.Драйдена, В.Вордсворта, Вальтера Скотта, Т.Кэмпбелла и др.; несмотря на краткость, очерк Гербеля представлял достаточно полную картину развития английской поэзии за все время ее существования, причем включал в себя упоминания и о поэтах «второго плана», обойденных в самом издании. В тексты справок о включенных в антологию английских авторах, содержавшие общеизвестные биографические факты, цитаты из произведений поэтов и литературных критиков, Гербель вносил и собственные наблюдения, критические замечания; например, он выражал полное согласие с традиционным восприятием в качестве «отца английской поэзии» Джеффри Чосера, «писателя, который впервые дал определенный характер английскому языку и тем самым помог ему сделаться языком высшего общества, вместо французского», гения, который определил «литературное первенство и самостоятельность английской речи и национальной поэзии».

Глава вторая «Н.В.Гербель как переводчик поэзии «елизаветинского века» посвящена анализу особенностей творческого осмысления Н.В.Гербелем произведений английской литературы «елизаветинского века» – второй половины XVI в. Подобно французской Плеяде елизаветинцы ставили перед собой задачи защиты и прославления национального языка и создания великой национальной литературы, что не могло не вызвать интереса у Гербеля-переводчика.

В *параграфе первом «Художественное осмысление Н.В.Гербелем фрагмента «Epithalamium» Эдмунда Спенсера»* осуществлен сопоставительный анализ фрагмента стихотворения Э.Спенсера «Эпиталама» («Epithalamium», 1595) и его русского перевода, осуществленного Н.В.Гербелем, который в 1874 г. стал первым интерпретатором английского поэта в России.

Воспринимая свое время как период небывалого расцвета Англии, воспитанный на уважении к античной культуре и классическим языкам Спенсер усматривал параллели между современностью и возвышением Римской империи в эпоху Августа. В его творчестве ориентация на древнеримскую литературу выразилась в адаптации и развитии классических жанров, одним из которых и является эпиграмма – стихотворение, написанное специально для невесты на пути к браку. «Эпиграмма» Спенсера была наполнена многочисленными мифологическими образами, например, в начале пятой строфы «*The Rosy Morne long since left Tithones bed, / <...> / And Phoebus gins to shew his glorious hed*» [Заря давно покинула постель пифии, / <...> / И Феб поднимается показать свою славную голову], где упоминались и пифии (pythones) – жрицы-прорицательницы в храме Аполлона в Дельфах, в Древней Греции, и Феб (Phoebus) – имя Аполлона как бога Солнца. В русском переводе, выполненном Гербелем, традиция оригинала оказалась нарушенной: пифии вообще не были названы, появилась характеристика зари как «царицы», а при описании Феба использовалась устаревшая книжно-поэтическая лексема «чело»: «...Уже заря-царица. / Проснулась и идет... / <...> / И Феб свое чело вздымает над землей». Упоминание Юпитера (Joves), верховного бога римлян, содержащееся в английском подлиннике, заменено переводчиком отсылкой к Олимпу – священной горе, на которой, в соответствии с древнегреческой мифологией, жили великие боги во главе с Зевсом: «*But first come ye fayre houres, which we begot / In Joves sweet paradise of Day and Night*» [Но вперед идите, вы, прекрасные часы, которые мы получили / В полном наслаждении раю Дня и Ночи Юпитера] – «Идите же скорей, прекрасные часы, / Решительницы благ времен текущих года, / Чья родина – Олимп...».

К описанию монархической абсолютной власти добродетели, полностью соответствующему гражданским убеждениям Спенсера, считавшего своим долгом воспевать английское государство и монархию, Гербель посредством лексемы «суд» добавил сугубо юридический аспект справедливости власти, отчасти реализующий вечную веру русского народа в «доброе, справедливое царя»: «*There vertue raynes as Queene in royal throne, / And giveth lawes alone, / The which the base affections doe obay, / And yeeld theyr services unto her will*» [Там добродетель правит как Королева на монаршем троне / И издает законы единолично, / Которым низменные страсти повинуются / И несут свою службу согласно ее воле] – «Там добродетель трон воздвигла – и царит, / И правый суд одна – безвинная – творит, / Перед которым в прах главу свою склоняет / Страстей земных собор и в ужасе смолкает».

Основным размером произведений Спенсера является ямбический пентаметр в его силлабо-тоническом варианте, утвердившемся в английской поэзии благодаря Дж.Чосеру и первым петраркистам, в его комбинировании с ямбическими стихами иной длины. Благозвучие четких ямбов поддерживается четкой системой богатых рифм и частой аллитерацией, своеобразной данью поэту национальным традициям стихосложения. Так начало двенадцатой строфы «Эпиграммы» («*Open the temple gates unto my love, / Open them wide that she may enter in, / And all the postes adorne as doth behove, / And all the pillours*

deck with girlands trim» [Откройте ворота храма моей любви, / Откройте их широко, чтобы она могла войти, / И все столбы украшены как должно, / И все колонны наряжены гирляндами] характеризуется единоначатием в сочетании с аллитерацией ['ouр(э)n də 'templ] – ['ouр(э)n dəm] и [ənd 'o:l də 'roustəz] – [ənd 'o:l də 'piləz]. Гербель, который использовал при переводе шестистопник, прибегал к самым разнообразным фигурам речи и приемам (восклицательные предложения, инверсия, отчетливые паузы в первом стихе), но не к аллитерации («Пора! Откройте храм, раздайтесь, дайте место, / Чтоб в сен его могла войти моя невеста! / Пускай гирлянды роз, струей сбегая вниз, / Спиралью обовьют колонны и карниз»), а в самом конце строфы неожиданно предложил читателям анафорический повтор лексемы «пускай», которого нет в оригинальном тексте (ср.: «And let the roring Organs loudly play / The praises of the Lord in lively notes; / The whiles; with hollow throates, / The Choristers the joyous Antheme sing» [Пускай гремящий Орган громко играет / Хвалы Господу радостными нотами; / А глубоким гортанным голосом / Певчие радостный Гимн поют] – «Пускай орган хвалой Всевышнему гремит, / Пускай священный гимн таинственно звучит»).

Гербель разрушил выверенную структуру спенсеровского произведения – если в оригинале строфа содержала 18 – 19 стихов, то в переводе количество стихов строфы варьировалось от 12 до 20, причем в целом фрагмент был сокращен на 13 стихов, не считая пропуска восьмой строфы. Неполюченное отображение ритмико-звуковых и художественно-изобразительных приемов автора «Эпиталамы» в русской интерпретации не позволяет увидеть новаторство Спенсера в его экспериментах с заимствованиями из творений Данте, Ф.Петрарки и др. Тем не менее Гербелю как переводчику нельзя не отдать должное, ибо он первым, в эпоху, когда не были сформулированы теоретические основы художественного перевода, обратился к трудному для понимания творчеству Спенсера, сложнейшей для интерпретации «Эпиталаме», предложил русским читателям ее оригинальное прочтение.

Во *втором параграфе «Сонеты Шекспира в творческой интерпретации Н.В.Гербеля»* отмечается, что в истории отечественной рецепции сонетов Шекспира труд Гербеля стал реальным заметным фактом, поскольку именно он впервые представил шекспировские стихи поэтическим ансамблем; и именно так их стали воспринимать все последующие читатели и переводчики. Именно Гербель ввел сонеты в круг шекспировских произведений, подлежащих переводу и осмыслению. Если авторы «догербелевских» переводов сонетов стремились утвердить их как часть наследия Шекспира, то с 1880-х гг. основной задачей для поэтов было дать новый полный перевод, отвечающий требованиям современной поэтической культуры; это заставило переводчиков поднять свои интерпретации на достаточно высокий эстетический уровень.

Интерес Гербеля к Шекспиру был многолетним: еще в 1865 – 1868 гг. при участии Н.А.Некрасова он подготовил первое полное собрание драматических произведений Шекспира на русском языке, в третье издание которого (СПб., 1880) были включены, помимо поэм, сонеты в оригинальном гербелевском

переводе; эти сонеты также вышли в 1880 г. и отдельной книгой («Полное собрание сонетов в переводе Н.Гербеля»). Выполненный Гербелем перевод сонетов был, прежде всего, продиктован *стремлением представить в новом издании все сочинения Шекспира*.

Следуя общепринятым принципам, Гербель рассматривал сонеты с точки зрения *биографического подхода*. С современных позиций можно заявить, что отождествление лирического героя сонетов с самим Шекспиром неверно, ибо это все-таки поэтический образ, имеющий такое же отношение к автору как Отелло или Гамлет. Конечно, в образ лирического героя вошло немало личного, например элементы театральной жизни или приметы адресатов, но это не автопортрет, а художественный образ человека, жизненно правдивый и реальный. Именно в этом биографическом отождествлении во многом кроются причины того, почему сонеты в переводе Гербеля оказались неактуальными и невостребованными в последующие годы.

Художественно-выразительные средства шекспировских сонетов необыкновенно богаты: с одной стороны, в них много унаследованного от всей европейской и английской поэтической традиции, с другой – в них немало совершенно нового. Поэтический стиль сонетов Шекспира подразумевает *игру слов, изобилие эпитетов, сравнений и метафор, метод построения образа, заключающийся в использовании лексики какой-либо одной предметной области, антитезы и переносы предложения из строки в строку (ран-он-лайнз) и из строфы в строфу (иногда целый сонет состоит из одного – двух предложений), большое количество аллитераций, внутреннюю подрифмовку, анафоры, повторы, инверсии, а также частые отклонения от правильного стиха, подчиненные определенному эмоциональному напряжению*. Потеря выразительных *эпитетов*, пропуск Гербелем характерной *игры слов*, приводят, в частности, к тому, что 16-й сонет в его интерпретации теряет свою экспрессию, например, вместо поэтического оборота «this bloody tyrant Time» («этот кровавый тиран Время») появляется образ «седого Времени», вместо «my barren rhyme» («не приносящих плодов (бессодержательных, пустых) стихов») упомянут «пук моих стихов», вместо «...living flowers, / Much liker than your painted counterfeit» («...живые цветы, / Гораздо более похожие, чем твоя рисованная подделка (портрет)») названа кошница цветов, «похожих на тебя, как твой портрет красивый». Если шекспировские выражения нередко подразумевают двоякое прочтение («lines of life» может трактоваться и как «живые черты / черты жизни», и как «линии жизни»), по которым предсказывается судьба; «my pupil pen» можно перевести и как «мое неопытное перо / перо ученика», и как «мое перо, направляемое твоей красотой»), то Гербель, оказываясь неспособным передать подтекст, создаваемый игрой слов, предлагает всего одно прочтение, лежащее на поверхности: «So should the lines of life that life repair, / Which this, Time's pencil, or my pupil pen, / Neither in inward worth nor outward fair, / Can make you live your self in eyes of men» [Так черты жизни должны обновлять эту жизнь, / Которую кисть Времени или мое неопытное перо / Ни изнутри стоящим образом, ни снаружи прекрасно / Не могут дать тебе прожить в глазах людей] – «Да, жизнь должна сама себя

изображать, / Так как перо и кисть не могут приказать / Жить вечно на стене пред публикою грешной / Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней». Наряду с явным нарушением управления (правильнее было бы «...приказать / <...> / Твоему образу...») в переводе Гербеля привлекают внимание упоминания пера и кисти, подразумевающие сохранение красоты в поэзии и живописи, однако последующий стих «Жить вечно на стене пред публикою грешной» приводит в недоумение, зачем упомянуто перо, если имеется в виду всего один способ запечатления красоты – в виде живописного портрета. Очевидно, под влиянием Гербеля подобное прочтение сохранялось и в переводах последующего времени, например, у Б.В.Бера («Ваш образ так не отразят портреты, / Как времени перо в чертах потомства, / И робкие мои не сохранят сонеты / Вас от веков руки и вероломства»); впрочем, эпитеты Б.В.Бера («время голодное», «стих мой бесплодный», «цветы живые») более близки оригиналу.

19-й сонет построен на известной *метафоре-олицетворении* Времени как хищного зверя, восходящей к «Метаморфозам» Овидия («Metamorphoses», XV, 234): «Devouring Time, blunt thou the lion's paws, / And make the earth devour her own sweet brood; / Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws, / And burn the long-liv'd phoenix, in her blood» [Всепожирающее Время, притупи свои львиные когти, / И пусть земля поглотит свое любимое потомство; / Вырви острые клыки из свирепой тигриной пасти / И сожги вечную птицу-феникс в ее крови]. Гербель меняет акценты, заменяя «львиные когти» («lion's paws») «львиным зевом», «острые клыки из свирепой тигриной пасти» («keen teeth from the fierce tiger's jaws») «тигрицей гор стальных ее когтей»; все это, впрочем, не изменяет сути описания: «Закрой свой львиный зев, прожорливое Время – / И пусть сама земля пожрет своих детей! / Лиши тигрицу гор стальных ее когтей / И Феникса сожги в крови его, как бремя!». Однако перевод оборота «most heinous crime» («самое гнусное (отвратительное, ужасное) преступление (злодеяние)») как «проступок» в определенной мере снижает выразительность описания (интересно отметить, что при переводе сонета В.С.Лихачевым избрана лексема «преступленье», а С.Я.Маршаком – «грех»).

Гербель усилил тему любви к женщине, *переадресовав героине более тридцати сонетов*, у самого Шекспира не имевших такой направленности. Подобная переадресация привела к утрате Гербелем того контраста любви-поклонения и любви-презрения, который был выражен Шекспиром за счет разделения сонетов на две части («Другу» и «Даме»). Вероятно, самым правильным подходом была бы двойная адресация сонетов, ибо хаотичность адресации сонетов в гербелевской интерпретации (первые двадцать сонетов – мужчине, последующие – женщине, за исключением 40, 41, 42, 48, 49, 67, 68, 77, 108, 126) внесла определенную путаницу. К тому же, в силу более частого обращения к женщине в гербелевском переводе *авторский образ лирического героя был также переосмыслен*. Из сравнения отношения Шекспира к двум близким ему людям видно, что друга он ценит выше возлюбленной, в чем состоит одно из важнейших отличий его сонетов от произведений других сонетистов современного ему времени, где на первом месте всегда оказывается

любовь. Однако в шекспировские времена многие великие гуманисты (такие, как Эразм Роттердамский, Мишель Монтень) ценили дружбу не меньше любви и даже считали ее чувством более духовным, чем любовь. И у Шекспира именно такое отношение к дружбе и любви: чувства к другу – чистые и возвышенные, страсть к смуглой даме – порочная и низменно-плотская. Шекспир следовал традиции, но при этом проявил оригинальность и умение по-новому выразить традиционную тему в приближении к реальности – природе и повседневной жизни. Гербель, зацепившись за главенство любви в поэзии Ренессанса и отражение реальности в поэзии Шекспира, создал поэту новый имидж – воздыхателя дамы.

В *третьем параграфе «Фрагменты пьесы Кристофера Марло «Edward II» в переводе Н.В.Герделя»* утверждается, что общественный интерес к пьесе К.Марло «Edward II» («Эдуард II»), конец 1591 или 1592) в России 1860 – 1880-х гг. был во многом обусловлен ростом влияния на социальные процессы разночинной интеллигенции, критически воспринимавшей быт, нравы и духовную жизнь представителей высших слоев. Не случайно для перевода избирались те фрагменты, в которых правители мира представляли во всей неприглядности их облика, в частности, Н.В.Герделя привлекли эпизоды, отобразившие негодование общественности против безвольного короля Эдуарда II, готового ради своего фаворита Гевестона принести в жертву интересы страны, а также сцена из жизни уже низложенного, отрешенного от власти короля, осознававшего неизбежность скорого конца.

При переводе Гербелю не удалось избежать необоснованных корректив отдельных художественных деталей, например, лорд Варвик, которого король Эдуард II обещал назначить губернатором северной части Англии («President of the North»), становился в русской интерпретации наместником всех северных провинций, а оценочная синтагма «hateful Gaveston» («ненавистный Гевенстон») получала оттенок просторечия – «пройдоха Гавенстон»; лексема «lown» («фаворит») при переводе заменена русифицированным аналогом «временщик». Отличительной особенностью гербелевского перевода стало обилие эпитетов, не характерных для английского оригинала: «Stand still, you watches of the element» [Остановитесь, вы, стражи стихий] – «Остановитесь, пламенные стражи / Стихий...»; «Wet with my tears...» [Омоченный моими слезами] – «Омоченный несчетными слезами...»; «Let this gift change thy mind, and save thy soul» [Пусть мой подарок заставит тебя передумать, и спасет твою душу] – «Да отвратит твой замысел мой дар, / Спасет твою отверженную душу».

Фрагменты исторической драмы Кристофера Марло «Эдуард II», интерпретированные Гербелем, создавали достаточно отчетливое впечатление обо всем произведении – его идейной направленности, характерной тональности описания, стремлении автора к раскрытию коллизий человеческих взаимоотношений во всем их многообразии, и в этой связи выбор Гербеля вполне можно считать удачным. Впоследствии к драме Марло обращались В.И.Родиславский, чей перевод, печатавшийся с продолжением в 1884 г. на страницах журнала «Искусство», остался незавершенным, и А.Д.Радлова,

которой удалось полностью перевести произведение Марло, но не удалось увидеть его опубликованным (перевод был напечатан только в 1957 г.).

В *главе третьей «Н.В.Гербель как переводчик поэзии английского романтизма»* проанализированы особенности переводческого осмысления Н.В.Гербелем лирических стихотворений и поэм Дж.-Г.Байрона, рассмотрена интерпретация Гербелем стихотворения П.-Б.Шелли «An Ode to the Asserters of Liberty».

В *первом параграфе «Лирические стихотворения Дж.-Г.Байрона в творческом осмыслении Н.В.Герделя»* отмечается, что гербелевские переводы, в отличие от предшествовавших им интерпретаций произведений Дж.-Г.Байрона другими русскими литераторами, были сведены воедино – сначала в книге «Байрон в переводе Герделя» (1877), а затем в 1882 г. во втором томе «Полного собрания стихотворений» Герделя. Это обстоятельство, во многом обусловленное издательской деятельностью переводчика, способствовало восприятию всех его переводов как единого комплекса.

Наиболее яркие переводы Герделя из Байрона были связаны с обращением к циклу «Hebrew Melodies» («Еврейские мелодии», конец 1814 – начало 1815 г.). Среди интерпретаторов «Еврейских мелодий» можно назвать немало известных и даже великих имен, среди которых Н.И.Гнедич, М.Ю.Лермонтов, Д.П.Ознобишин, Н.А.Маркевич, В.Д.Костомаров, Д.Е.Мин, Д.Л.Михаловский, И.П.Крешев, А.Н.Майков, К.К.Случевский, И.А.Бунин; на этом фоне заслуга Герделя как переводчика отдельных текстов байроновского цикла представляется более чем скромной. Но вместе с тем в гербелевских интерпретациях «Еврейских мелодий» было нечто, позволявшее без труда атрибутировать их одному переводчику с его характерным отношением к переводному произведению. Прежде всего, это невнимание к библейской детали, приводившее к тому, что гербелевские переводы, даже в сравнении с вольными трактовками Байрона, оказывались в еще большей степени отдаленными от библейских сюжетных первоисточников; Герделя как переводчика «Еврейских мелодий» характеризовали чуткость в восприятии тех байроновских образов, которые представлялись ему значимыми и существенными, стремление расширить их толкование не в ущерб основной идее, в сочетании с полным пропуском тех деталей, которые, нередко неся в себе глубинный смысл, оказались непонятыми и непрочувствованными. В итоге возникало впечатление некоей мозаичности, неровности перевода, когда рядом с удачно уловленными образами или точно подобранными деталями оказывались смысловые пропуски целых стихов, упрощавшие восприятие гениальных байроновских оригиналов.

«Farewell to the Muse» («Прощание с музой», 1807), воспринимающееся ныне как этапное произведение, знаменующее переход Байрона от юношеского к зрелому творчеству, дополнено в переводе Герделя отдельными эпитетами, не всегда удачно оттеняющими оригинальный замысел и даже придающими тексту оттенок слащавости, приторности, например, «Apathy» (апатия, безразличие, равнодушие) – «апатия злая», «dream» («сон, мечта, греза») – «сны золотые», «love <...>, kisses and smiles» («любовь <...>, поцелуи и улыбки») –

«сладостные ласки погибшей любви». При описании причин отсутствия творческого вдохновения Байрон метафоричен; он говорит о магии воображения, способной продлить песню человека, очарованного красотой: «*When drain'd is the nectar which gladdens the bowl, / How vain is the effort delight to prolong! / When cold is the beauty which dwelt in my soul, / What magic of Fancy can lengthen my song?*» [*Когда иссяк нектар, что веселит чашу, / Как тщетно усилие наслаждение продолжать! / Когда холодна красота, что жила в моей душе, / Какая магия Воображения может продлить мою песню?*]. Гербель, акцентировав внимание на байроновском повторе и сохранении общей смысловой канвы, упустил тропы, делавшие оригинальный стих ярким и образным: «*Когда я бокал свой до дна осушаю, / Что в силах мое наслажденье продлить? / Когда в красоте равнодушие встречаю, / Что в силах заставить меня полюбить?*».

При переводе стихов «*Ah, surely Affection ennobles the strain!*» [О, конечно, Любовь облагораживает поэзию <стихи>!] и «*Untouch'd, then, my Lyre shall reply to the blast – / 'Tis hush'd; and my feeble endeavors are o'er*» [Нетронутая тогда моя Лира не ответит порыву – / Она молчит; и мои слабые усилия прекратились] Гербель прибегнул к русификации английского текста, используя глагол «бряцать», имеющий древнерусское происхождение и значение «звучно ударять, брэнчать на струнах», и существительное «цевница», обозначающее старинный музыкальный духовой или струнный инструмент, являющийся в России символом поэзии, поэтического дара: «Любовь умягчает бряцанье цевниц / <...> / И так моя лира молчит – не звучать ей. / Умолкла, а с ней и желанье бряцать». Переводчик опустил синтаксический повтор, используя который Байрон противопоставлял духовную слабость своего лирического героя и внутреннюю силу Героев прошлого, а также отказался от использования побудительных конструкций, лексем «слава» («glories»), «подвиг» («exploits»), формировавших эмоциональный фон описания: «*For glories like theirs, oh, how faint is my tone! / For Heroes' exploits how unequal my fires!*» [Для славы подобной их, о, как слаб мой звук! / Для подвигов Героев как неравен мой огонь!] – «Я молод и голос мой слаб для создания / Героев, и холодно дышит мой пыл».

Не отражая в полной мере специфику оригинальных лирических текстов Байрона, переводы Гербеля, тем не менее, создали представление об одной из значимых граней личности английского поэта, лирика которого оказалась несколько «в тени» его великих драматических произведений и поэм. Личность интерпретатора также оказалась не столь отчетливо выраженной в силу некоей мозаичности, неровности перевода, когда рядом с удачно переданными образами и деталями оказывались смысловые пропуски, упрощавшие гениальные байроновские оригиналы.

В параграфе втором «*Поэмы Дж.-Г.Байрона в творческом восприятии Н.В.Гербеля-переводчика*» рассматриваются гербелевские переводы произведений Байрона больших поэтических форм. Гербель творчески осмыслил четыре из шести «восточных поэм» Байрона («Паризина», «Осада Коринфа», «Корсар», «Лара»), его сатирические произведения («Жалоба Тассо»

и «Проклятие Минервы», поэму «Остров», прозаическую поэму «Смерть Колмара и Орлы» и пьесу-мистерию «Небо и земля».

Среди «восточных поэм» русский переводчик отдал предпочтение наиболее поздним, отличавшимся отходом от схемы «гаремной трагедии» и натуралистической трактовки страсти, углубленностью мотивировки конфликта героя и тирана, многоаспектностью представлений о природе страстей и нравственной ответственности героя, усложненностью внутреннего мира героя и усилением аналитических приемов его изображения.

Общей чертой всех переведенных Гербелем байроновских произведений крупных форм можно считать конкретность образов, их психологическую углубленность, большую трагическую силу. Гербелевские интерпретации байроновских поэм характеризуются изменением рифмы и размера подлинников, увеличением общего числа стихов, привнесением дополнительных художественных деталей, пропуском значимых фрагментов описания, однако все это нельзя напрямую воспринимать как недостаток, учитывая особенности развития переводческой мысли в России в 1870-е гг.

Параграф третий «Стихотворение П.-Б.Шелли «An Ode to the Asserters of Liberty» в переводе Н.В.Гертеля» содержит сопоставительный анализ стихотворения П.-Б.Шелли «An Ode to the Asserters of Liberty» («Ода защитникам свободы», 1819) и его первой русской интерпретации, выполненной Н.В.Гербелем в 1877 г. под названием «Ода восставшим грекам».

Если английское стихотворение стало откликом на события, происшедшие 16 августа 1819 г. в Манчестере, когда правительство самым жестоким образом расправилось с рабочими, собравшимися на поле Св. Петра на митинг с требованием всеобщего и равного избирательного права, то русский переводчик перенес место действия в Грецию. Нельзя определенно сказать, с каким периодом греческой истории соотносил Гербель свой перевод стихотворения Шелли. Можно лишь предполагать, что перевод был непосредственно связан с подъемом национально-освободительной борьбы греческого народа против турецких поработителей. Данная тема оставалась актуальной на протяжении всего XIX в. Вместе с тем обращение к стихотворению Шелли в 1877 г. было актуализировано современными общественно-политическими событиями, прежде всего — русско-турецкой войной 1877 — 1878 гг., вызванной стремлением России помочь болгарам и балканским народам обрести независимость от Османской империи.

В свете трансформации переводчиком замысла Шелли становится понятным, почему эмоциональное побуждение к действию, усиленное в английском подлиннике риторическим вопросом («What other grief were it to pay? / Your sons, your wives, your brethren, were they! / Who said they were slain on the battle-day!» [Какая еще беда должна случиться, чтобы вы решились отплатить? / Они были вашими сыновьями, женами, братьями / Кто сказал, что они погибли в день битвы!]), заменено русским интерпретатором призывом отомстить захватчикам, учинившим расправу над мирными жителями: «Отмстите. Что праведней мщения на свете! / Погибли в крови ваши жены и дети: / Невинных враги перерезали их!». С целью повышения пафосности

звучания переводного произведения Гербель значительно увеличил количество побудительных синтаксических конструкций (с пяти до четырнадцати), однако при этом опустил многочисленные повторы слов, являвшиеся основным средством нагнетания экспрессии в английском оригинале: «Be your wounds like eyes / To weep for the dead, the dead, the dead» [Пусть ваши раны будут подобны глазам, / Чтобы кровавыми слезами оплакивать умерших, умерших, умерших] – «Из ран, как из плачущих глаз, орошайте / Слезами кровавыми мертвых своих!»; «Be the cold chains shaken / To the dust where your kindred repose, repose» [Сбросьте оковы / На землю, где покоятся, покоятся ваши братья] – «Вы цепи со страны своей сбросить клянитесь, / Где гроб лишь в удел вашим братьям был дан».

Выражая свою гражданскую позицию, Шелли акцентировал внимание читателей на основных идеях и образах не только при помощи лексико-грамматических средств, но и графически; в частности, он выделял прописной буквой существительные «freedom» («свобода»), «famine» («голод»), «toil» («изнуряющий труд»), подчеркивая тем самым их важность для понимания мысли о том, что народ, изнуренный голодом и тяжелым непосильным трудом, рано или поздно восстанет и одержит победу в своей борьбе за свободу: «Wave, wave high the banner / When Freedom is riding to conquest by / Though the slaves that fan her / Be Famine and Toil, giving sigh for sigh» [Развевайся, развевайся священный знамя / Когда Свобода отправится за победой / Несмотря на то, что рабов, которые развевают его / Гонят Голод и Изнуряющий труд]. В переводе Гербеля этот значимый для английского подлинника художественный прием полностью утрачивается, что приводит к определенной переакцентировке внимания с одних художественных деталей на другие. Вместе с тем вера Шелли в победу людей над гнетом и тиранией («Conquerors have conquered their foes alone» [Победители одолеют врагов в одиночку]) убедительно передана в русском переводе: «Одни победители лишь побеждают».

Несмотря на существенные отступления от оригинала, Гербель точно передал основную идею стихотворения Шелли, утверждавшего, что добиться реальных перемен в общественной жизни посредством мирного эволюционного движения невозможно, а потому следует решительно вступать в борьбу за свободу и независимость, повергать тиранов, стоящих у власти.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, отмечается, что на фоне активной издательской, редакторской, литературно-критической, библиографической деятельности, выдвинувших Гербеля в число наиболее ярких популяризаторов западноевропейских литератур в России, несколько в стороне остается его собственное переводное творчество, характеризующееся вниманием к двум эпохам литературной жизни Англии – «веку Елизаветы», представленному творчеством Э.Спенсера, К.Марло, раннего В.Шекспира, и веку английского романтизма (1810 – 1820-е гг.), нашедшему наиболее яркое проявление в творчестве Дж.-Г.Байрона, П.-Б.Шелли. Несколько особняком стоят факты обращения Гербеля к переводу небольших фрагментов поэм Дж.Крабба, талантливого представителя английского сентиментализма конца

XVIII – начала XIX в., не рассматриваемые нами в силу того, что они подробно исследованы в диссертации Е.И.Ильязовой (2010).

Являясь первым системным трудом, посвященным творческой деятельности Гербеля в контексте международных литературных связей, наша работа, несмотря на возможную полноту охвата материала, оставляет пространство для новых разысканий, намечая перспективы дальнейших научных исследований.

Во-первых, заслуживает отдельного внимания интерес Гербеля к немецкой поэзии, подкрепленный его происхождением – принадлежностью к роду швейцарского архитектора Николауса-Фридриха Гербеля, поступившего на русскую службу при Петре I, – и вылившийся в многочисленные переводы произведений И.-В.Гете («Гец фон Берлихинген», «Эгмонт», «Брат и сестра», «Боги, герои и Виланд», «Добрые женщины»), Ф.Шиллера («Заговор Фиеско в Генуе», «История тридцатилетней войны»), стихотворений Г.-А.Бюргера, Ф.Маттисона и Г.Гейне, а также в подготовку собраний сочинений Ф.Шиллера, И.-В.Гете, Э.-Т.А.Гофмана, антологии «Немецкие поэты в биографиях и образцах». Также нельзя обойти и разработку Гербелем общеславянской темы, осуществившуюся им как единолично (перевод «Слова о полку Игореве» под заглавием «Игорь, князь Северский», переводы поэм («Кобзарь», «Гайдамаки», «Катерина») и стихотворений Т.Г.Шевченко), так и при содействии Н.В.Берга, немало способствовавшего изданию в 1871 г. антологии «Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводе русских писателей», в которую вошли, кроме «Слова о полку Игореве», народные украинские (малорусские и червоннорусские) и белорусские песни, интерпретации отдельных стихотворений 40 украинских, сербских, болгарских, польских, чешских, лужицких и словенских (хорутанских) поэтов, биографии писателей с перечнями их лучших сочинений.

Во-вторых, наше исследование привлекло внимание к недостаточно хорошо изученной книгоиздательской деятельности в России второй половины XIX – начала XX в. в аспекте популяризации творчества западноевропейских писателей. Представляется актуальным анализ издательских приоритетов и предпочтений Н.Х.Кетчера, И.П.Бочарова, К.И.Тимковского, А.А.Краевского, П.И.Вейнберга, А.Е.Грузинского, которые во многом, наряду с Гербелем, формировали вкусы отечественной публики, способствовали развитию межкультурных связей, теоретических основ переводоведения, а также совершенствованию переводческой практики.

В-третьих, полузабытые библиографические работы Гербеля, посвященные И.П.Крешеву, Д.Л.Михаловскому, Н.В.Бергу и другим русским поэтам-переводчикам, могут использоваться при создании фактографических баз будущих исследований творчества данных переводчиков в аспекте русско-зарубежного литературного и историко-культурного взаимодействия, содействовать рассмотрению научных проблем как с литературоведческой, так и с эстетической, философской, исторической, лингвистической точек зрения.

Наконец, Гербель является яркой фигурой в истории русского перевода 1860 – 1870-х гг., которая, в отличие от истории перевода эпохи романтизма,

Серебряного века и т. п., исследована недостаточно. В прежние годы данный период развития переводческой мысли оценивался исключительно с позиций противопоставления переводчиков-демократов (М.Л.Михайлов, Д.Д.Минаев и т. п.) и переводчиков, ориентированных на теорию «чистого искусства» (А.В.Дружинин, А.К.Толстой и др.), что неоправданно, поскольку не позволяет охватить всей многоаспектности переводческого процесса в России, охарактеризовать тех переводчиков, которые, подобно Гербелью, сотрудничали с представителями разных литературных направлений и не вписывались в эту «черно-белую» модель. В этой связи возникает необходимость более глубокого изучения переводческого процесса в России 1860 – 1870-х гг., предполагающего смещение акцента с противопоставления двух полярных группировок на характеристику отдельных творческих индивидуальностей в контексте тенденций литературного развития.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях перечня ВАК

1. Орлова, Н.Ю. <Тэн-Чагай Н.Ю.> Н.В. Гербель как переводчик стихотворения П.-Б.Шелли «An Ode to the Asserters of Liberty» / Н.Ю.Орлова // Вестник Поморского университета. Серия Гуманитарные и социальные науки (Архангельск). – 2010. – №7. – С. 218 – 221.

2. Орлова, Н.Ю. <Тэн-Чагай Н.Ю.> Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» / Н.Ю.Орлова, Д.Н.Жаткин // Культурная жизнь Юга России (Краснодар). – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

3. Тэн-Чагай, Н.Ю. Художественное осмысление Н.В.Гербелем «Эпиталамы» Эдмунда Спенсера / Н.Ю.Тэн-Чагай, Д.Н.Жаткин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион (Пенза). – Серия Гуманитарные науки. – 2011. – №3 (19). – С. 84 – 90.

Прочие публикации

4. Орлова, Н.Ю. <Тэн-Чагай Н.Ю.> Стихотворение П.-Б.Шелли «An Ode to the Asserters of Liberty» в переводческом осмыслении Н.В.Гербеля / Н.Ю.Орлова // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник статей Международной научно-методической конференции / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2010. – С. 132 – 134.

5. Тэн-Чагай, Н.Ю. Н.В.Гербель как переводчик сонетов Шекспира / Н.Ю.Тэн-Чагай // Вопросы теории и практики перевода: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского, Приволжский дом знаний. – Пенза, 2011. – С. 119 – 122.

6. Тэн-Чагай, Н.Ю. К вопросу о специфике переводческой деятельности Н.В.Гербеля (на материале переводов стихотворений Дж.-Г.Байрона) / Н.Ю.Тэн-Чагай // Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов / Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2011. – С. 117 – 122.

Подписано к печати 21.12.2011 г. Формат 60х84 1/16.

Бумага ксероксная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100. Заказ 21/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ИП Тугушева С.Ю.

440600, г. Пенза, ул. Московская, 74, к. 220, тел.: 56-37-16.

